

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Людмила БЕЛЯКОВА

БЫТЬ
ЕДИНСТВЕННОЙ

Людмила Белякова
Быть единственной

«Центрполиграф»

2008

Белякова Л. И.

Быть единственной / Л. И. Белякова — «Центрполиграф», 2008

По поселковским меркам Маша вышла замуж поздно. Девчонки поухватистей споренько расхватили женихов, а на долю Маши остались брошенные женами мужички, не ахти какое счастье... В конце концов подвернулся и Маше случай: вышла замуж, родила двух сыновей. Муж попался не сильно пьющий и довольно работающий. По крайней мере, не сопротивлялся, когда жена налаживала его на заработки. Ездил он да ездил, а однажды возьми да не вернись – нашел себе женщину на стороне. Маша возвращать беглого мужа не поехала. Но для себя твердо-натвердо решила: уж сыновей, кровиночек, она подлым девкам-разлучницам ни за что не отдаст, и точка!

© Белякова Л. И., 2008

© Центрполиграф, 2008

Людмила Игоревна Белякова

Быть единственной

Роман

По выселковским меркам замуж Маша вышла поздно: девчонки, вместе с которыми она заканчивала семилетку, уже готовились повести в школу собственных детей. Вины Машиной в том не было – просто женихов у них в Выселках водилось не больно густо. Не вернулись с войны. Девчонки поухватистее и помоложе Маши споренько, чуть ли не врукопашную, расхватывали ровесников, по юности своей не попавших в кровавую военную мясорубку. А Маше с ее провальным тридцатым годом рождения и выбирать-то было не из чего. Тем более что ни красотой, ни умом особым Манечка не блистала – откуда же? С голодным военным детством и еще более скудными послевоенными годами?... Поэтому Маше остались только немногочисленные брошенные женами фронтовики средних лет, но и это было не ахти какое счастье. Солдатики, повзрослевшие на сивушных фронтовых ста граммах, работать особо не могли по причине отчаянной трясучки в руках, зыбкой шаткости в коленках и не проходящей похмельной мути в голове. Кому ж с таким жить охота? Как мужики воины-победители тоже были не бог весть что, хотя и успели за два-три послевоенных года наплодить полпоселка большеголовых, придурковатых детишек, которые должны были вот-вот пойти в местную школу на пагубу несчастным учителям.

Так что к Машиным двадцати шести безнадежным годкам у них на Выселках все сколько-нибудь приличные ребята были давно разобраны. Дальше районного центра, тоже не слишком большого и культурного, Маша не бывала, а Москва в часе с хвостиком езды вообще представлялась местным жителям мрачной, враждебной заграницей.

Как-то, лет в двадцать с небольшим, Маша сунулась пожаловаться матери на досадный затор в личной жизни: почему ей, по сравнению с другими девицами, такая незадача? Мать у нее была нрава резкого и сурового. Уже смолоду она садила матом так, что взрослые мужики разлетались от нее вспугнутыми воробышками, в ужасе разинув клювы. Так что дочери ничего дельного присоветовать не смогла, только повторяла, как лаяла: «Да сыкухи они все, эти девки, сыкухи!»

Словечко это заковыристое Маша слышала от матери с самого детства – когда та не давала единственной дочке дружить со сверстницами, шугала, если те заходили к ним. Потом, когда Маша подросла, мать не пускала ее с подружками гулять и на танцы под баян в клубе, повторяя без конца как заведенная: «Да сыкухи они все, сыкухи! Нечего тебе с ними!»

Маша, подрастая и глядя из окошка на чужие свадебные поезда с воздушными шариками на носгах серых «побед», попробовала осторожно выяснить, что это такое и хорошо или плохо это – быть сыкухой, раз таких замуж берут? Мать встала посреди кухни – руки в боки, голова к плечу, глазки в щелочку: «А то ты сама не знаешь! Сыкухи и есть сыкухи! Все девки – сыкухи!»

Маше пришлось отстать от матери, и сейчас ей, перезрелой девице, запросто было схлопотать по шее. В детстве-то Маша натерпелась от ее тяжелой руки... А сыкухи – это, верно, те, которые мешают ей найти мужа. Все другие бабы и девки. Абсолютно все... Кроме нее. Таким вот образом Маша и выпала из колоды девушек-невест.

Так что Маше с Николаем, считай, сильно повезло. Коля был вполне приличным мужиком, почти совершенно непьющим – вероятно, потому, что был не из местных. Он приехал к родственникам, пожилым Машиным соседям, помочь по хозяйству, а вернее, прибежал за лучшей жизнью из Кировской области. На фронт он не пошел, хотя по возрасту должен был. Смелся, рассказывая, как раз в полгода в их неэлектрифицированную глушь приходили повестки,

а его мать их выкидывала. И потом ничего ему за это дезертирство не было – некому было добраться до их болот и разбираться, куда девалась почта в далекие уже военные годы.

Россказни о порванных повестках Машиному отцу не нравились. Он-то был многократно раненный фронтовик и Николая за дезертирство сильно не жаловал. Но соблазнившийся близостью Москвы, обещавшей в годы повального дефицита некоторое подобие изобилия, Николай скоренько расписался с Машей, и его пришлось принять. Злые языки говорили, что женился он на подмосковной прописке, на большом доме с участком, а не на Маше. А и пусть болтают. Жить-то не с пропиской, а с женой.

Родители отнеслись к замужеству дочери с некоторым недоумением, даже прохладно – а стоит ли тянуться? Они давно сжились с мыслью, что единственное, не слишком казистое и умное чадо будет при них до конца их жизни. Но прописать зятя и даже поделить дом не отказались, хоть не без ворчанья, и Маша зажила своим двором как настоящая, мужняя баба. Николай устроился на тот же завод, где работали все местные и сама Маша. За четыре года до значимых в женской судьбе тридцати лет она успела родить двоих сыновей, Володю и Вадима, и вроде как наверстала упущенное. Хотя как сказать...

Выходила замуж Маша не только отчаянной засиделкой, но, не в пример местным оторвам, по-честному – девочкой. Разговоров о том, что делают муж с женой в постели, Маша еще в девичестве наслушалась выше крыши. Понятно, все ж друг у друга на головах жили, по три семьи в одном доме. О сказочных бабьих радостях поголовно все Машины товарки говорили, закатывая глаза и тряся, как в параличе, головой: «Ох у меня и мужик! Как засадит, так засадит – жуть!»

Иногда Маша, как-то темно и глухо, сомневалась: а правду ли говорят Шурка или там Клавка о своих супругах-алкашах? Какой с них толк ночью, если они с двух часов дня у магазина в лежку лежат? Когда ж это мужья успевают так устроить своих супружниц, если у них в семьях коли не пьянка, так драка? Сомневаться вслух Маша не решалась – а ну подумают, что она, голодная-безмужняя, завидует.

Когда же все произошло между ней и Колькой, Маша уверилась в том, что все бабы нагло ввали о тех немислимых удовольствиях, что доставляли им мужья или уже появившиеся у некоторых любовники. Все это враки. Говорят, чтобы не молчать, а так... Нет в том ничего хорошего. Пусть бы муж денег побольше приносил, и то радость. Не пил бы по-черному. И не гулял бы, потому что ничего обиднее этого нет.

А вот сыночков своих, терпеливо и безропотно зачатых в редких, постных супружеских ласках, Маша очень любила. Особенно младшего, Вадика, потому что был он на нее особенно, просто пугающе похож.

«Под копирку рожала», – заметил муж, когда Вадичке шел пятый год и сходство стало особенно заметно.

Правда, люди говорили, что похожий на мать сын – несчастный, но Маша отмахивалась: «Вы-то здесь больно все счастливые! Ни в мать ни в отца, а в проезжего молодца. И все придурки».

А вот жили они с мужем неплохо, почти не ругались – ну понятно, дети, дом, хозяйство держали. Не то что многие их соседи по Выселкам, которые только и знали, что сходиться-расходиться, каждый раз с криком и драками. Может, это как раз оттого, что с самого начала любви у них особой не было, но какая разница, если жили прилично.

Маша со временем, поскольку жизнь неуклонно и неумолимо дорожала, начала мужа пилить – чтобы соглашался на сверхурочные, приносил в семью побольше денег. Дети же растут, им сколько надо! Он подчинялся, поскольку жил в примаках – самый последний сорт зятя в русской семье. Поэтому дома Николая почти что не было видно – либо работает, либо спит. В отпуске он тоже почти не отдыхал – все ездил подрабатывать с бригадой шабашников, строить баньки и коровники зажиточным хозяевам.

Однажды летом, когда Николай только вернулся с заработков и сидел дома пару дней перед выходом на «родной завод», к ним наведился какой-то человек. Он предложил Николаю похалтурить еще месяц – взять за заводе отпуск за свой счет и поехать работать на Украину. Маше такая идея очень понравилась, а Николай заартачился – мол, и так спины не разгибаю, надо ж и застопориться когда-то. Маша на него прикрикнула – нечего филонить! Вадик в первый класс идет, надо его собрать, и на Володьку тоже прошлогоднюю форму не наденешь – на полголовы за лето вырос! Деньги нужны. Николай, недовольно побурчав, все-таки собрался и уехал. Оказалось – навсегда.

Через две недели непонятного, тревожащего молчания – обычно он вызывал Машу на телефонный разговор в почтовое отделение – Николай прислал письмо. Писал он, чтобы Маша его назад не ждала. Он-де встретил женщину, то ли вдовую, то ли разведенную, Маша не поняла, и остается у нее жить. Его новая жена шибко деловая, богатая, и на производстве над-рывать ему теперь не придется – будет помогать новой жене по хозяйству, но деньги на детей присылать станет. Немного, но будет обязательно. Если Маша хочет, то может взять развод.

Маша сама не своя, рыдая, кинулась в заводской партком жаловаться, но там от нее отмахнулись, как от назойливой мухи. Да у нас таких жалоб – газеты в туалете вешать не надо! Тем более как работник Николай для завода умер. Выяснить Маше удалось только то, что муж прислал письмо и на завод тоже – с заявлением о полном расчете и просьбой выслать трудовую книжку по новому месту жительства.

Ехать в Хохляндию, как ей советовали соседки, чтобы разнести разлучнице ее наглую морду и притащить назад гулену мужика, Маша не могла. Тяжко болела мать, совсем беспомощным стал отец, двое мальчишек... Да и не ближний это край, и денег жалко. Ну приедет, ну поскандалит... Не вернется же Николай после такого? Ясно, что нет.

Так Маша осталась соломенной вдовой, обиженной на весь свет, – надо же, нашел себе! Как же так? А?... И не искал вроде, а нашел! Денежные переводы от Николая приходили года полтора, а потом перестали. Писать изменщику и требовать денег Маша не стала – наверняка этой его новой жене просто надоело кормить чужих сорванцов. Маша осталась в большом деревенском доме, не бог весть каком богатом, с больными родителями на руках, с двумя стремительно растущими мальчишками, которых надо было кормить и одевать. Но главное было не это.

Главной, так и не затягивавшейся душевной раной было то, что муж нашел себе другую, кажется, не моложе и не лучше ее самой. Просто – другую. Потому что она была. Существовала. А значит, можно было и с ней... это... делать. И ведь не любила Маша Николая как-то особенно – терпела, раз надо бабе непременно быть замужем. А все равно страдала.

«Ведь я ему и девочкой досталась, и прописала, и сыночки у нас такие хорошие... Вот что ему надо было, а? Неплохо ведь жили, без скандалов... Чего, чего ему еще надо было?» – навязчиво и болезненно долбило в Машины висках каждый раз, когда она ложилась одна в их с Николаем бывшую супружескую постель.

Днем, на людях, в суматошных хлопотах о деньгах – Маша по вечерам подрабатывала уборщицей-судомойкой в придорожном кафе, где питались шофера транзитного транспорта, – она об этом не думала, но оставшись одна...

«И как ведь подгадал, а? Под сорок лет бросил... Кому я такая нужна, да с двумя огло-едами?»

Обидным было не то, что он нашел другую и бросил законную жену – вокруг случались вещи и похуже. Обидным было то, что она не смогла побороться за Николая с этой, другой... Не достать неведомую соперницу, не проорать ей в лицо все мыслимые и немыслимые ругательства, не вцепиться в волосы, не пожелать им обоим сгореть на одном огне...

Мальчикам Маша объяснила, что папа их обманул, никогда больше не приедет и за это они его больше не любят. Поскольку ребята видели отца мало, общался он с ними неохотно, то и расставание прошло как-то вяло, незаметно. Одежду Николая Маша снесла на поселковую мусорку, где ее быстро прибрали к рукам местные забулдыги. Хотя лучше бы она ее сожгла, как и намеревалась сначала, с огородным сором. Несколько раз, увидев издали мужскую фигуру, облаченную в знакомый пиджачок, Маша радостно вскидывалась – вернулся! Явился!.. Выгнали, ага! Вот она сейчас ему покажет!.. Но при ближайшем рассмотрении это был только новый собственник мужниных обносков, как водится, опухший и небритый, на котором это выморочное по сути имущество смотрелось выходным костюмом.

Маше о новом замужестве думать не приходилось, хотя, если рассудить, мужиков свободных вокруг обреталась уйма – до Москвы в два ряда поставить. Только они не подходили для Машиных целей – помочь ей поднять сыночков. Во-первых, большинство этих мужиков были отпетой пьянью и бездельниками. А были бы деньги – кто же станет чужих пацанят кормить? Словом, надеяться можно было только на себя. Маша пахала и пахала на двух-трех работах без продыху, зло вспоминая о Николае, который нежился где-то на хлебной Украине и даже не беспокоился помочь своим детям.

Последний удар нанесли Маше любимые родители, помершие один за другим, – так что она, не отдав долги за одни похороны, сразу влезла в долги за новые.

Радости было только, что сыновья поднимаются, – Вадику было пятнадцать, и он собирался в техникум в соседнем городе. А старший, Володенька, сразу после школы легко поступил в институт! Маша и думать не думала, что в их семье когда-нибудь появится человек с дипломом! Теперь Володя почти каждый день ездил в Москву на лекции, там же в институте подрабатывал и почти слез с материнной шеи.

Он часто оставался ночевать в общежитии в Москве, ссылаясь на то, что пойдет с такими же самостоятельными ребятами на вечернюю подработку. И в один прекрасный день до Маши дошло, что, может, не каждый вечер они работают, но гуляют с городскими девчонками. Нет, имен женских Володя не упоминал, но ведь шел ему двадцатый год – самый бег за юбками. Еще жениться задумает! Вон за месяц у них в поселке четыре свадьбы сыграли...

Как раз в это время на Выселки стали возвращаться из армии сыновья Машиных сверстниц. Прокрутились они в холостых самое большее полгода-год. И, не просохнув толком от многодневных дембельских пьянок, вели под венец обрюхаченных мимоходом, едва знакомых им самим невест.

Как вот такая, многократно облапанная, использованная леший знает кем девка уволочет Машиного сыночка в какой-нибудь темный угол и там... Правда, Володенька все больше был в Москве, старательно учился, чтобы получать повышенную стипендию, но по воскресеньям все же иногда был свободен, ходил гулять... И тут эти выселковские «девицы»! А московские девки – они и того хуже... И они, эти девки, везде! Жадные, похотливые, готовые на все ради молоденького, нетраченого мальчика, Машиного любимого сынка...

И одним тоскливым, одиноким вечером всплыло в Машиной памяти любимое материно словечко – «сыкухи»... Так вот они кто – все те бабы, что вокруг! Девки, да и бабы постарше, что так и смотрят, как увести от мамы ее сыночков-кровинушек. Она-то, Маша, их рожала-растила, надрывалась на трех работах, чтобы дети хорошо питались, были одеты не хуже других. И что ж теперь? Для кого она все это делала?

Выселковские девки – не то что Маша – замуж выскакивали абы за кого, без разбора, понаражали дебилов от потомственных «аликов», нищеты наплодили, а Машини дети... В небогатых Веселках они гляделись чуть ли не лучшими!.. Чистые, здоровые, приветливые. И достанется Машин сынок такой оторве – пробы ставить негде... Уведет его, испортит, отлучит от родного дома... Нашепчет, чтобы мать не уважал, не слушал...

Закончив второй курс института, Володя окончательно, до осени, вернулся в родительскую усадьбу. Тут-то Маша и решила предотвратить грядущие кошмарные события. Когда теплым июльским вечером Володя, надев свежую рубашку, собрался прогуляться по поселку, Маша, неодобрительно зыркнув на него через плечо, сказала:

- Ты того... гулять наладился... На девок-то на здешних особенно не заглядывайся.
- А что? – улыбнулся сын, откидывая со лба светлые и волнистые, как у матери, волосы.
- То, – процедила Маша.
- Нет – что?
- Да сыкухи они все, сыкухи!
- Кто? – удивился сын, вздрогнув от звуков материнского голоса.
- То! То! – выкрикнула Маша, все больше распаляясь.

С некоторых пор она замечала за собой приступы резкого, неумеренного гнева, который возникал где-то глубоко внутри и густым, черным, как нефтяным, фонтаном бил в голову, отдавая в виски пульсирующей болью.

– Словечки у тебя, – поморщился Володя, повернулся и вышел, оставив Машу в тягостном, судорожном беспокойстве и досаде, что не смогла внятно объяснить сыну, что нужно держаться подальше от девчонок.

Их много – пруд пруди, девок-то, а вот мама – одна. Единственная!.. Мать – одна и навсегда. Ее никакие девки не заменят. Вопрос, понимают ли это ее ребята... Ох, не понимают, не понимают...

Вытерев давно, с самых родительских похорон, не плакавшие глаза, Маша занялась по хозяйству, шуганула чересчур громко включившего музыку Вадимку, потом посидела на веранде, поджидая, когда вернется старший.

Вернулся Володя поздно, ужинать не стал, еще и этим обидев Машу. Но спиртным от него не пахло, духами и появившимися невесть откуда диковинными «дезадаранами» вроде тоже, и Маша чуть успокоилась. Наверное, просто так гулял.

«Умный сынок-то у меня – хоть по пьяни ни с кем не свяжется. А то приведет какую-нибудь, крашеную, наглуую... Будет она тут у меня хозяйничать».

Мысль о том, что рано или поздно ребята загуляют, приведут к Маше в дом девок, которые злонамеренно настропалят сыновей против нее и выгонят ее с родительского подворья, тревожила Машу все чаще. Гнобили ее попутно многолетняя, многослойная и непреходящая усталость, и возраст, и томительное беспокойство, что пенсию – как втихаря, по секрету, болтали вокруг – будут скоро давать только с шестидесяти лет или отменят вовсе. Радость одна – что капелька ее, Вадичка, так на нее, молодую, похожий, еще мал и хоть сколько-то времени не будет гулять по девкам. Хотя кто знает... В Выселках такие истории случались!.. Как этой весной в поселковой восьмилетке.

... Когда на припеках стали появляться первые грязно-кружевные проталины, а во все окна садили ослепительные, будто сумасшедшие солнечные лучи, прямо на уроке географии одной ученице, Таньке, стало плохо. Испуганная учительница послала кого-то в учительскую вызвать неотложку, а сама взяла невнятно матерившуюся девицу за руку и стала уговаривать ее потерпеть, наивно полагая, что у восьмиклассницы острый аппендицит.

Возопив в очередной раз и залив полкласса отошедшими водами, школьница принялась активно рожать. Ее едва довели до машины, учительницу отпоили валокордином, соучеников юной роженицы распустила по домам – благо была суббота. К вечеру все Выселки знали, что Танька родила здоровую девочку, а новоиспеченная бабушка, Клавка, сама-то тридцати с небольшим лет от роду, вырвала у еще не взошедшей в полное самосознание дочери имя того супостата, ну, отца ребенка. Им оказался приятель Таньки по школе, ученик седьмого класса, прошлым летом, в охотку, соблазвивший односельчанку по пути с танцев в местном клубе.

Говорили, что Клава принуждала Таньку оставить дочку в больнице – в Выселках, и в райцентре подобное практиковалось очень широко. Обычно девица, доведя беременность до крайних сроков, но так и не уломав соблазнителя на расписку в ЗАГС, передавала младенца на попечение государства, а сама шла искать другого жениха.

Мать-школьницу с приплодом привезли домой через неделю. Выселки замерли, ожидая грандиозного скандала с семьей татя-соблазнителя, но его разочаровывающе не произошло. Напротив, Клава дочку за грех особенно не укоряла – сама была немало грешна по передковой части. Она сердечно полюбила внучку, сама ее купала-пеленала и с независимым видом катала в колясочке по поселку. Выселки слегка огорчились, поневоле занялись другими делами, и, оказалось, зря.

Когда подсохла и отвердела до бетонной крепости желтая дорожная глина, а по комнатам полетел, сматываясь в пушистые клубки, тополиный пух, Клава упаковала внучку в выходное одеялко, подхватила слегка упиравшуюся дочь и пошла искать правды у семьи погубителя их чести.

Не сказать чтобы подобные истории кого-то в Выселках особенно сильно удивляли. С современными, вольными порядками и со становившимися все расплывчатее требованиями к девицам-невестам мамаш-малолеток значительно прибавилось, но с деньгами можно было выдать замуж практически любую гулену, использованную вдоль и поперек. Однако раньше семнадцати-восемнадцати и прямо в школе рожали всетаки редко. Так что в то солнечное июньское утро, когда все три грации двинули по главной и единственной улице пригорода, перед ними, как тугая волна перед катером, бежала молва – они идут! Что-то будет! Ои-и-и, буди-и-ит!

В семье подлого совратителя все это время тоже было несладко. Новоиспеченная «бабушка» сама тетешкала второго, трехлетнего сынка. Первый, неуклонно взрослеющий сын, был ей не особенно-то и нужен. Поэтому известие об его отцовстве она приняла несколько отстраненно.

– Спасибо, хоть за изнасилование заявление не подали, – обронила как-то на людях Толькина мамаша.

Хотя – что толку подавать, он несовершеннолетний, а позора и нервотрепки не оберешься. Да и было это давно, и никто не видел, чтобы Танька пришла домой побитая или в рваной одежде. Значит, все было по обоюдному согласию.

... Клава с Танькой припарковались у крылечка, ожидая приглашения войти. В коляске завозилась и противно заскрипела оголодавшая Настя. На шум выполз из глубины дома глава семейства Павел.

– И чего вы от нас хотите? – брезгливо-бранчливо спросил он.

– Так ведь ребенку отец нужен, – слегка ошарашенная тем, что их не начали гнать, произнесла Клава.

– Не понял? – воздел «дед» выгоревшие брови.

– Ну чтоб отец был у ребенка, семья, – повторно выложила главный (и единственный) аргумент Клава.

– Их не распишут, – буркнула из-за мужниного плеча появившаяся на веранде «бабушка» Наталья, но муж не обратил на нее внимания.

И тут его осенила некая мысль, от которой он аж подпрыгнул на месте.

– Щас... я щас! Не уходите! Только не уходите!

Отец ребенка все это время, как ему сообщили о появлении делегации, сидел-трясся в задней комнате, боясь, что будут бить. Павел уж раз сунулся его поколотить, но мать заступилась, сказав, что вовсе не известно, кто был производителем.

Павел появился через пару секунд, волоча за собой прикрывавшего руками голову и басовито всхлипывающего сынка.

– Во!.. По-лу-чай-те отца своему ребенку! Жрет – не напасешься! Учиться не заставишь! Помощи по хозяйству никакой! За-би-рай-те!

– А ты чего распоряжаешься?! – взвилась Наталья. – Куда ж ты его отдаешь-то?

– Не просто так отдаем, мать, а в хорошие руки! – повернулся к ней Павел.

На лице его гуляло ошалело-задорное выражение, а Наталья, обалдев от такого поворота событий, стояла посреди веранды, ловя ртом воздух.

– ... А? – запросил Павел подтверждения у Клавы. – В хорошие ведь? Не забидите пацаненка-то нашего?

– Нет, нет! – радостно вскричала Клава, споро перехватывая у Павла Толькину руку. – Не в Африку ведь – туточки и жить будем, правда?

Она ласково заглянула в лицо Тольке, не забывая исподволь, но неукоснительно подтягивать его к крылечку – на выход.

– Мы ж все здесь, не в Африке, – приговаривала Клава, тараня дочку с коляской и внешне обретенного зятя по главной улице к своему дому. – Все здесь, все родные...

– В школу будить не забывайте! – напутствовал их Павел.

Вот так и отдали сына в чужую семью – как кутенка, считай...

«Вот и моих ребят так же уведут девки-сыкухи!» – как-то в субботу вечером с отчаянием подумала Маша, наблюдая за сыновьями, которые сидели на кухне и резво уминали молодую картошку со сметаной, потихоньку о чем-то пересмеиваясь.

Какие ее сыночки ладные, большие, красивые... Каждая готова таких сцапать, каждая рада! Но нет, не бывать этому! Никого Маша к ним не подпустит...

– Спасибо, мам, – сказал Володя, наскоро утирая губы. – Мы тут пробежимся, ладно? Мы не поздно.

– А чаю?! – всполошилась Маша. – Чаю-то?

– Вечером поьем, мам, – добавил Вадим, торопясь выйти с братом.

– Да куда ж вы?! – выдохнула им вслед Маша, но они, верно, ее и не слышали.

«Точно – к девкам пошли!..» – тяжело свалилась на нее худшая из возможных догадка.

Сыновей не было долго. Уже в одиннадцатом часу, когда в предусмотрительно затянутые марлей окошки начали ломиться мохнатые ночные бабочки, появился Вадик, сонный, зевая.

– А где Володька-то? – хмуро спросила его Маша, что-то починявшая в свете настольной лампы.

– Он Аню Самойленко пошел проводить. Сейчас придет.

Вадик двинулся выйти из комнаты, но его остановил материн окрик:

– Какую такую Аню?! Говори! Отвечай матери! – Маша бросила рукоделье и неловко, засидевшись, поднялась со стула.

– Да председательши дочку, – ответил сразу проснувшийся Вадик. – Чего ты так переживаешь? Сейчас придет. – Вадик, беспокойно и досадливо глянув на мать, повернулся, намереваясь уйти к себе.

Самойленки были местной аристократией. Отец Аньки служил главным инженером на их химзаводе, а мать недавно назначили главой поссовета. Но сейчас это не имело никакого значения. За сыновей? Маша никого не побоится!

– Да как же ты брата родного бросил-то? – всплеснула она руками.

«Одного... с этой!»

– Ой, ну мам! – опять вздрогнул Вадик. – Чего ты? Он взрослый! Что его эта Анька – изнасилует, что ли?!

«А вот и может! Чего от нее хорошего-то ждать!» Маша почувствовала, что на секунду даже заненавидела младшего сына, но это быстро прошло, и она заплакала злыми, бессильными слезами.

– Ох, мам, ты хоть бы таблетки какие себе выписала...

– Ты как с матерью разговариваешь?! – снова завелась Маша, но тут на кухню вошел, недоуменно поводя глазами, Володя.

– Чё случилось-то? На улице ваш крик слышать! Как в дурдоме.

– Ох! – схватилась за левый бок Маша и тяжело опустилась на стул.

– А? – обратил Володя вопросительный взгляд на брата.

Тот развел руками:

– Говорит – я тебя бросил...

Маша уже ничего не видела от слез, ее трясло, как в лихорадке, в левом боку кололо.

– Ну, ты, мам, ей-богу, – заговорил Володя, но его слова доходили до Маши словно через ту серую, вязкую стекловату, что производили на их заводе. – Будто я в четыре утра пришел...

– Ка-капелек моих мне дай...

Володя быстро принес из Машиной комнаты флакончик валерьянки и стакан. Самой накапать у Маши не получилось, флакон игриво звенел о край стаканчика, и Вадик, перехватив лекарство, щедро натряс ей капель. «Кошачий коньяк», как называли его ребята, резко ожег Маше горло, но от этого она сразу пришла в себя, охая и утираясь мокрым, хоть выжми, платком.

– Мам, я не понимаю, – заговорил Володя, так и стоя перед ней, как вросший в пол, – одиннадцати часов нет, я по поселку только и прошелся... Чего ты устраиваешь?

Это слово очень обидело Машу.

– Я устраиваю?! Это ты... – И она опять – уже напоказ – схватилась за левый бок.

– А если меня в армию заберут – ты каждый день... – Володя не нашел подходящего слова и покрутил в воздухе пальцами, – так будешь?

«В армии хоть девок нет!»

– При чем здесь армия! – тоскливо взвыла Маша. – По девкам шастать не надо!

– Я по девкам не шастаю, – досадливо пояснил сын. – Я провожал домой девочку.

– Да какая она «девочка»? «Девочка»? Уж у нее, поди, сотня таких, как ты, было, у «девочки» этой! – выкрикнула Маша, чувствуя, как у нее снова начинается трясучка.

– Мама, ты ничего о ней не знаешь, – отрезал Володя, что-то пробормотал брату, и они, не обращая внимания, что несчастная Маша рыдает в голос, вышли из кухни.

«Знаю, знаю!.. Я все о них знаю! Им бы только!..» – хотела было крикнуть вслед сыновьям Маша, но те, видно, разошлись по свои комнатам и ничего все равно не услышали бы... Да и слушать не хотели.

Потом нескучно отмерянная Вадиком валерьянка расплзлась по Машиному телу, доставив туда глухоту, тупое отчаяние и некое подобие успокоения.

«И ведь не сказал, что не будет с ней гулять! Не захотел мать успокоить, утешить...»

С сыновьями в этот вечер Маша больше не разговаривала, завтрак тоже прошел в тягостном, как похмелье, молчании.

«Даже не спросили, как я себя чувствую, – подумала Маша. – Одни девки в голове. На мать им наплевать...»

Вадик поел быстро, сказал, что будет к обеду, и ушел – он занимался в автошколе, хотел получить водительские права. Когда они остались с Володей наедине, Маша вдруг решила поговорить со старшеньким, убедить его...

– Володенька, сынок, – завела она тихим, жалостным голосом, – не гуляй ты с этой Анькой... Не надо, а, сыночка?

– Да не гуляю я с ней! – раздраженно передернул плечами тот. – Чего ты ерунду какую-то в голову себе вбила?

– Не гуляй с ней, ну пожалуйста!

– Мама, я с ней не гу-ля-ю! Я проводил ее домой, понимаешь? Поздно было!

– Она знаешь какая?! – ехидно сузила глаза Маша, быстренько скидывая жалостную мину.

– Знаю. – Володя решительно встал.

– Не знаешь! – выкрикнула Маша, пытаясь на ходу выдумать порочащие начальничью дочку ужасы.

– Знаю, мама, – спокойно произнес Володя. – Я с ней, между прочим, в одном классе восемь лет отучился. Хорошая, умная девчонка.

– Да?! Да? А мать тебе кто? Кто я тебе?

– Сама же сказала – мать. Я вообще не понимаю, что на тебя нашло. Что я – только с тобой и Вадькой общаться должен?

– С девками валандаться не надо!

– А что я – всю жизнь у твоей юбки сидеть должен? Не собираюсь.

Ох, как же Маше хотелось крикнуть – да так, чтоб во всех Выселках слышно было! – что да, да, да, не должны ее сыночки ходить с девками, должны быть при ней... А как такое скажешь? Кто еще это по-настоящему поймет? Разве только другая такая мать, несчастная и одинокая.

Сын ушел, так и не пообещав не встречаться ни с этой проституткой Анькой, ни с другими девками. Да и ведь верно – рано или поздно сыновья найдут себе по такой вот шалаве, забудут, бросят родную мать...

Маша нагрела воды помыть посуду, а там надо было еще на огороде поработать, ужин ребятам приготовить и пораньше лечь спать. Завтра в девять часов утра ей было заступать на суточное дежурство. Из цеха она ушла – больно тяжело на сделке – и теперь работала вахтершей, приглядывала, кто ходит на завод, проверяла пропуска. Стажу-то рабочего у нее для пенсии, что светила ей через шесть долгих лет, было достаточно, но деньги нужны были, чтобы докармливать сыночков.

Утром Маша тяжело – она толстела каждый год после сороковника кило на три – дошла до автобусной остановки, и тут ее пронзила гадкая, свербящая мысль. А ну как сыночки драгоценные в это ее суточное отсутствие не только пойдут гулять с девками, но и приведут их к ней в дом?! Как ей это раньше в голову не приходило? Конечно, в их деревне все только и делали, что доглядывали друг за другом – чтоб кто-то, украдкой, не получил большую, нежели остальные, долю телесных удовольствий, – но сыновья могли как-то исхитриться, обмануть общественное мнение, обойти догляд...

Все это дежурство Маша только и ерзала, соображая, как бы ей на следующее утро проверить – не было ли кого чужого дома? И телефона у них нет, хоть позвонить, где находятся сыновья ночью, спят ли дома или?... Тут она впервые пожалела, что нет у нее подруги или хоть сколько-нибудь доброжелательной приятельницы – проследить за сынками, предупредить... Некому довериться в этих проклятых Выселках. Все обсудят, наплетут, чего было и чего не было, все изгадят...

Вечером, просматривая невидящими глазами пропуска работников заводоуправления, шедших со службы, Маша все представляла и представляла, как мерзко хихикающая, накрашенная девка бродит по ее дому, заглядывает в углы, находит грязь и указывает на нее мальчишам: «Мамка у вас дом вести не умеет... Вот была бы я здесь хозяйка!..» А потом эта сыкуха... и Машин сыночек... или оба два... ох!

Мысли эти довели Машу до занудно-мучительного колотья в левом боку – сердце так и сжимало от тоски и гнусных подозрений. Даже спать ночью не хотелось, хотя, когда из конторы уходили последние сотрудники – ясно, почему они задерживаются допоздна! – можно было спокойно прикорнуть на кушетке в стеклянной будке.

Домой с дежурства Маша приезжала уже почти в одиннадцать утра: все следы ночного разврата были бы уже наверняка прибраны и попенять сыновьям все равно не удалось бы. И домой Маша не поехала – пусть вот побудут без нее, без завтрака, – а зашла к двоюродной тетке. Та была как бы с другой ветви их генеалогического древа – образованная и от образованных родителей. Да просто повезло ей. Какая-то из их общих бабушек выскочила в свое время замуж за начальничьего сынка, дала образование детям, ну так и пошло-поехало.

Тетка, совсем молодой, вышла замуж за вдовца с маленькой дочкой, воспитала ее как свою, а собственных детей не завела – все наукой занималась. Машу тетка принимала охотно и сочувственно, а вот теткин муж ее недолюбливал – считал, что она своими разговорами и жалобами расстраивает родственницу. Поэтому, когда Маша заходила, они с теткой устраивались на кухне, а теткин муж, скупно поздоровавшись, уходил в комнату и смотрел там свой бесконечный телевизор.

На вежливый вопрос тетки о детях Маша, поджав губы, выдохнула как в последний раз в жизни:

– Гулять начали!.. Теть Кать, а? Не знаю, что и делать!..

– Гулять? – Тетка недоуменно поглядела на нее поверх толстостеклых очков, нелепо увеличивавших глаза. – Это что – пить, что ли?!

– Пить?! Да ты что, теть Кать? Они ж у меня непьющие, в отца. Нет... С девками гуляют.

– Да что ж в этом плохого? – удивилась тетка. – Если б они не интересовались девушками – вот это могло бы насторожить. А так – это нормально.

Нет, тетка, давно жившая с замужней падчерицей врозь, Машу понять не могла. Поэтому Маша только горестно покачала головой.

– Не хочешь же ты сказать, что они должны всю жизнь быть при тебе? – продолжила тетка, не услышав от Маши вразумительного ответа.

– А почему нет? Почему нет-то?! – вскинулась Маша. – Пусть бы были!

– Потише, – поморщилась тетка. – Голос у тебя... Только алапы с мечети кричать. А ребята... Рано или поздно они все равно влюбятся, женятся, либо к тебе невесток приведут, либо к ним уйдут. Тебе просто надо быть к этому готовой. Это только дело времени.

Тетка пожала плечами и принялась вдвевать нитку в иглоку – она никогда не сидела просто так, все что-то шила, вязала. Это всегда раздражало Машу. Будто ее здесь не было, или тетке было жаль тратить время на дальнюю родню, сбоку припеку, и она совмещала общение с домашними делами.

– Не понимаешь ты меня, теть Кать.

– Не понимаю, Маша. – Вдев нитку, тетка подняла на Машу глаза. – И я тебя не понимаю, и ты своих ребят не понимаешь. Разные мы все. В разное время молодыми были. И поэтому не надо им навязывать ничего. Они неглупые. Сами разберутся со своими девушками.

– А я что ж, должна сидеть и смотреть, как они пропадают? – со слезами в голосе спросила Маша.

– Как это они «пропадают»?

– Так гуляют же! – в отчаянии всплеснула руками Маша.

– Что, Мария, опять проблемы? – веско спросил теткин муж, грузноватый, холеный, с красивой сединой мужчина, заходя на кухню – якобы для того, чтобы налить себе чаю.

Маша уже собралась упрекнуть «родственника» за его черствость и непонимание, как ее опередила тетка:

– Проблема та же, что и у всех, – дети вырастают, а мы не хотим этого признавать.

– А, – легко заметил дядя Саша, забирая стакан в подстаканнике. – Это нам знакомо. Это проходит. Все проходит, Маш. – И ушел, на ходу прихлебывая чай.

Маша поняла, что пора собираться домой. Уже начало откатываться утреннее возбуждение и давала себя знать мутной усталостью ночевка в стеклянной клетушке.

Домой Маша пришла уже в первом часу дня. Она нашла на кухне остатки неумело приготовленного завтрака, кучу перепачканной посуды в раковине и внимательно ее осмотрела. Сколько там тарелок-ложек? Нет, кажется, гостей названных не было... Может, и права в какой-то степени тетя Катя – не стоит так уж беспокоиться. Еще не скоро будет это: свадьбы сыновей, какие-то перемены и переселения... Появление невесток-наглячек. А может, ее ребята и не женятся никогда – мало ли таких мужиков? Да навалом! Болтаются как кое-что в проруби, а жен законных не заводят, опасаясь цепких бабьих когтей, обязательств, требований работать и не пить.

Приободренная такой мыслью, Маша прилегла поспать прямо в зале на парадном диване, а не в своей комнате – чтобы сразу услышать, когда вернутся сыновья. Проснулась она только в четыре часа дня. Надо было готовить ребятам ужин. Сейчас оголодают и прилетят... Куда ж и идти, как не к маме?

Но было уже около шести вечера, и Маша начала беспокоиться, когда к палисаду подкатила машина – редкая гостья у их усадьбы. Оттуда вылезли ее сыновья, еще минуту поговорили с кем-то, кто сидел за рулем, захлопнули дверцу и направились к дому.

– Где это вас носит, а? Я тут с ума схожу! А они!.. – Расстроенная Маша не смогла сдержаться и сразу набросилась на сыновей.

– Практика у нас была, мама! По вождению! – поморщился Володя. – Мы же тебе записку оставили.

– Где, где? Не было тут никакой записки! – Маша заплакала, утирая глаза передником.

– В твоей комнате, на тумбочке!

– Где, ну где?

Маша рванулась в свою комнатку, желая тут же уличить сыновей во вранье. На прикроватной тумбочке прижатая флакончиком корвалола, лежал листок в клеточку: «Мама, будем после пяти, не волнуйся».

– Вот это что? – услышала она над ухом.

Маша стояла, всхлипывая и утирая глаза, а Володя помахал перед материным носом запиской:

– Это вот что, мам?

– Я сюда не заходила, – нехотя призналась Маша, отнимая передник от глаз.

– А мы виноваты? – хмыкнул невежливо Вадик.

Сыновья вышли из комнаты, Маше пришлось семенить за ними. Молча сыновья помыли руки и сели за стол. Маша, все еще по инерции всхлипывая, расставила тарелки.

– Чего-то мне и есть расхотелось, – пробурчал Вадик, кладя локти на стол и хмуро наблюдая, как Маша плюхает в тарелки чересчур разварившуюся картошку.

– Mam, купила бы ты таблетки какие-нибудь подороже, посерьезнее, попила бы, – также сквозь зубы процедил старший. – Невозможно же так: что ни день – слезы, крик... Домой идти не хочется.

«Не хочется? К матери родной – и не хочется?!»

Маша так и замерла с кастрюлькой в руках.

– А к кому хочется? К девкам хочется?!

Она почувствовала, как волна раздражения и едкого, щемящего беспокойства снова поднимается, едва улегшись, и сейчас она впадет в истерику похлеще первой.

– Так, все, я пошел, – решительно заявил Вадим, хлопнул ладонями по столешнице, встал и вышел.

Володя с сомнением посмотрел на тарелку с картошкой и тоже встал. Маша, глядя на это, – неужели и он уйдет?! – помимо воли издала какой-то гортанный звук.

– Я, наверное, тоже еще погуляю, – произнес он, хоть не так решительно, как младший брат, но тоже вышел.

Маше начала жечь руки кастрюлька с горячей картошкой, и она на неверных ногах отошла к плите и поставила ее там, и долго стояла, силясь понять, что произошло. Сыновья, кровинушки, сбежали из дому, даже не поев – голодные, лишь бы от нее подальше! Это как же так?!

Совсем обессилив от переживаний, Маша отошла к столу, где только что сидели ее ребята... Вот и бросили мать... Как она боялась, так они и поступили. Пошли к девкам-сыкухам.

Маша просидела у стола долго и очнулась, только когда варево в тарелках пошло мутной пленкой, и, сделав над собой усилие, поднялась, вылила его назад в кастрюльку. Не те у них средства, чтобы добро пропадало. Вернутся, подогреют и съедят.

Но ребята не вернулись и к десяти вечера, как обычно. Маша легла спать, потому что сил, тем более после суточного дежурства, уже не было. Пригоршня таблеток, неприятно напомнившая ей о совете сына, подействовала быстро, и выплыла она из тягучего, без сновидений, забытья, уже когда было совсем светло.

Проснувшись Маша оттого, что из комнат, где раньше жили ее родители, а теперь располагались сыновья, доносилась музыка. Значит, ночевали дома. Это ее обрадовало. Что и как им сейчас сказать? Упрекнуть за неуважительное отношение? Маша вспомнила разговор с теткой – о неизбежности отдаления от нее сыновей. И о том, что к этой мысли надо привыкнуть. Нет, она с этим никогда не смирится! Никому она их так просто не отдаст!

Маша перевернулась на бок и подумала: а может, пролежать вот так весь день? Пусть подумают, что она заболела от их невнимательности. Но какой-то слабенький внутренний голосок вякнул, что вряд ли Машины слезы и истерики будут способствовать хорошим отношениям. Сколько вокруг было теток и старух, сыновья которых пили по-черному, а слезы и упреки ничего, кроме еще большего пьянства и даже рукоприкладства, не приносили. Нет, это не выход.

Маша с трудом, потому что голова была тяжелой после химического сна, встала и принялась напяливать халат.

Ребята уже были на кухне, где громко и хриловато играл старый репродуктор.

– Доброе утро, мам! – как ни в чем не бывало приветствовал ее Вадик.

Маша, по дороге на кухню, уже заготовила фразу насчет того, не хотят ли любимые сыночки попросить у нее прощения, но, видя, что настроения на скандал у сыновей нет, решила этого не делать – успеется. На приветствие младшенького она не ответила, но довольно мирно поинтересовалась, чем сынки намерены заняться днем.

– Мы сейчас отъедем, – сухо вато ответил Володя. – Есть возможность попрактиковаться в вождении.

– Когда вернетесь? – почти в тон ему поинтересовалась Маша. – Крышу на сараюшке починить надо.

– Починим, не проблема. Часам к трем вернемся.

– А что так долго-то? – всплеснула руками Маша.

– Да что же долго-то? – пожал плечами Володя. – Уже одиннадцатый час.

Маша взглянула на старинные ходики, не первое десятилетие тихонько чвякавшие в углу кухни. На них было четверть одиннадцатого.

– Ох, – огорчилась она. – Это как же я проспала-то? – Ей стало стыдно, что она не приготовила сыночкам завтрак, они тут крутились одни, и чуть не заплакала. – Что же вы меня не разбудили-то?

– Да ничего, мам! Ты же после дежурства. – Вадик прижал к своей груди ее голову, а Маша попыталась, но не смогла обнять его за плечи – такой он уже был большой, высокий. – Все в порядке. Мы взрослые мальчики. – Он похлопал ее по спине и попытался выпростаться из ее рук.

– Мам, щец приготовишь? – попросил Володя, закидывая на плечо сумку. – Ладно?

– Ладно, сынок, ладно! – затрепетала Маша, думая, что старшенький тоже подойдет ее обнять.

Но он уже был у двери на застекленную веранду, а Вадим шел за ним.

– Не задерживайтесь! – крикнула она им вслед и тут же поняла, почему они заспешили, – на улице стояла та же машина, что привозила их накануне.

Володя на ходу, не оборачиваясь, помахал рукой:

– Не будем!

«Кто-то им машину дает кататься-то? Что за приятель богатый такой?» – уже расслабленно, радостно и чуть лениво задумалась Маша.

Все-таки помирилась она с сыновьями, и без объяснений, долгих разговоров... Володенька вон щей заказал на обед. Сейчас она уж расстарается... Кажется, в морозилке был кусочек свинины, добытой в заводском буфете.

За стряпней Маша даже начала напевать, что случалось с ней редко, – с тех пор как ее бросил муж, она чаще пребывала во мрачноватом расположении духа. Вот были бы у нее деньги на автомобиль – ни муж, ни сыновья от нее никуда не делись бы. Машина для мужика это же – у-у! Маша, плача, – не от огорчения, а оттого, что кромсала лук для щей, – припомнила одну историю, что случилась несколько лет назад на соседней улице. Ничем не примечательная вроде для здешних нравов, но...

Как водится, перед отправкой в армию в Выселках игралось несколько поспешных свадеб – в основном по двум причинам. Первая и главная – интересное положение ловкой, оборотливой невесты, сумевшей настичь полуподроска-глупыша на короткой прямой между выпускным вечером и призывным пунктом. Вторая, тоже немаловажная, но значительно реже встречавшаяся, – как это ни банально, огромная, всепоглощающая любовь. Отсюда – желание идти защищать Родину в роли законного мужа любимой. И встречное желание ждать любимого из армии в роли законной жены и хранить ему верность. Свадьбы игрались щедро, шумно, и нередко молодые воины шли на призывной пункт в обход – крюком, через городской медвытрезвитель.

Свадьба Ленки и Шурика была относительно скромной – семьи были, по местным меркам, приличными и малопьющими. Все знали, что молодые долго гуляли, но женились по-честному. Однако та неделя, что военком лично уделил молодым на медовый месяц, не прошла для новоиспеченной бабенки даром. Когда муж дослуживал первый год, ему пришло сообщение, что он стал отцом.

Вернувшись, Шурик был несколько ошарашен увиденным. Лена раздалась до пятьдесят последнего размера, как-то отвыкла – в отсутствие стимула в виде любимого человека – причесываться и аккуратно одеваться.

На несколько недоуменный вопрос телесно оголодавшего мужа: «А как же мы теперь с тобой... того... будем-то?» – последовал ответ:

«А так и будем, драгоценный муженек. Не гулять же нам как-то особенно – чай, не первый год женаты... Владей такой, какая есть. Сготовить и постирать я и такая могу».

Трудно сказать, как эта история стала достоянием общественности Выселок, но все знали мельчайшие подробности того, что «у Шурки на Ленку больше не стоит» и он, чуть проспавшись после гулянок со старыми друзьями, резко дал левый крен – пошел по бабам. На упреки и все те же неизменно-обильные слезы Шурик отвечал одно: «На себя посмотри! Мне жена нужна, а не квашня в драгом халате. На хлеб и воду садись! У меня рук не хватает тебя обнять!»

Но самое плохое было не в том, что Шурик пил и скакал из койки в койку. Плохо было то, что он на определенном этапе пить бросил. Редчайшее, кстати сказать, в Выселках явление, где, взяв очередной литровый рубеж, мужик никогда его не оставлял, а, напротив, стремился его превзойти. Произошло это оттого, что у Шурика появилась постоянная женщина, городская, селедка тощая, в полтора раза старше венчанной супруги. Узнав это, несчастная Лена стала есть еще больше и поплыла вокруг себя с просто-таки угрожающей скоростью.

Видя, что дочкина семейная жизнь стремительно летит под откос, вовсе не богатые Ленины родители поднатужились, заняли деньжонок и купили зятю москвичок – благо отец был ветераном войны и у него подошла очередь. Вообще-то он планировал машину продать и заработать. Но раз тут такое дело...

Намек шалопутному зятю был прямым и недвусмысленным: вернешься в семью – получишь доверенность на вождение. Или даже дарственную – это по поведению. И Шурик намек понял, принял. Вид чистенькой новенькой бибики не смог не свести с ума не совсем еще выросшего мальчугана.

– А чё – совершенно правильно сделали! – заявил тогда еще числившийся Машиным супругом Николай. – Под этой машиной он получит то же удовольствие, сколько на этой Алке. Может, и больше.

«Верно, у той бабы, что моего мужика свела, машина есть. Точно есть!» – расстроено думала Маша, глядя, как вскипает в кастрюльке жирное варево.

И вздохнула – ей даже инвалидного козлика не потянуть.

Сыновья вернулись даже раньше обещанного. И их снова привезла та же темно-синяя машина.

– У-ух, мам! Как вкусно пахнет! – аж прихлопнул в ладоши Вадик, поводя носом.

– Руки мойте, – вместо приветствия, ласково потребовала Маша, ставя на стол плетенную из лозы хлебницу. – Все горяченькое...

– Ох, да в такую погоду – лучше похолоднее, – жадно тем не менее произнес Володя, созерцая, как Маша разливает щи.

Действительно, лето вступало в свои права, наливаясь зноем, как яблоко румянцем на солнцепеке.

– А я завтра крошечку сделаю, – также ласково пропела Маша, давая сыновьям понять, что нигде так хорошо и сытно, как у мамы, им не будет.

По русскому обычаю, она села у стола, не ела сама, а только, подперев щеку ладонью, наблюдала, как уминают еестряпню сыночки.

– Ох, щас бы храповицкого! – потянулся Володя, допивая чай.

– А чего? – повела плечом Маша. – После обеда-то... Ложитесь. Милое дело. У вас же каникулы.

– Да ты ж сказала – крыша на сарае...

– Успеешь. Дни-то какие стоят долгие. Все успеется.

Ребят, чувствуется, совсем сморило, и они со слипающимися на ходу глазами расплзлись по своим комнатам.

Жизнь в доме остановилась до пяти вечера, когда чуть спала назойливая жара. Маша, тоже прилегшая после обеда, уже встала и хлопотала об ужине. В кухню, зевая и потягиваясь, вошел Володя.

- Мам, чаю сооруди, пожалуйста, – попросил он. – Починю сейчас я твой сарай.
- Что это мой? – мирно, если только с самой маленькой подковыркой, отозвалась Маша. – Он такой же мой, как и твой. – И добавила, вздохнув: – Все ж вам после меня достанется.
- Не-а, – мотнул Володя темной, в отца, головой и сел к столу. – Мне в частном доме жить не особо нравится. Я квартиру хочу.
- Да как же это! – всплеснула руками Маша. – Свой дом – это ж дом!
- О чем разговор? – спросил вошедший на кухню Вадик.
- Да вот, – чувствуя, как со дна души начинает подниматься тяжелое, как грозовое, облако обиды, – брату твоему дом родной не мил стал.
- Не понял, – глухо, оттого что умывался над кухонной раковиной, пробормотал Вадик.
- Мам, не начинай, а? – досадливо проговорил Володя, отворачиваясь. – Скажи лучше, что делать, и сделаю, пока светло.
- Нет, а чего? – Вадик тоже сел к столу.
- «Какой он красивый, свеженький! Ягодка!» – с болезненной нежностью подумала Маша, глядя на лицо младшего сына, поднятое на нее.
- Просто я сказал, что хочу квартиру. Не дом частный, а квартиру.
- Все хотят, – радостно сообщил Вадик. – Да кто ж нам ее даст?
- «О, это точно! Никуда отсюда не денетесь!» – обрадовалась Маша и вдруг вспомнила о том, что хотела спросить еще вчера.
- Вадичка, а кто это вас на машине все время возит, я гляжу?
- Аня Самойленко, – просто, как само собой разумеющееся, ответил Вадик. – Ей отец дает, чтобы мы ее немного поучили водить. А то на курсах к девчонкам так придираются!.. Вот она и хочет сперва немного подучиться, а потом уже на курсы идти.
- Схлынувшая было волна обиды взметнулась ввысь с невиданной силой.
- Володенька, я же тебе сказала – не водись с этой Анькой! А ты опять! И брата приспособил! Это как, а?!
- Мам, я тоже сказал – не начинай! Ты что – ни дня без скандала не можешь?
- Ты что мне обещал? Ну, что ты обещал? Не гулять с ней!
- Во-первых, я ничего тебе не обещал! И обещать не мог! Потому что я с ней не гу-ля-ю!
- Ой, граждане, ну вас! – Вадик, даже не допив чай, стал подниматься из-за стола.
- Вадичка, миленький! Скажи ему...
- Мам, а чего говорить? – вытаращил он голубые глаза. – А где нам практиковаться-то? Машины-то своей нет. И чего тебе эта Анька сдалась?
- Да сыкуха она, сыкуха! Все девки – сыкухи!
- Маша, сама не понимая, что она делает, трясла у сына перед носом сжатыми кулаками – кажется, еще немного, и ударит его.
- Еще раз скажешь такое про Аньку... – сквозь зубы процедил Володя.
- Ну что, что?!
- Уеду в Москву, в общежитие, к ребятам! Лучше общага, чем каждый день такое! Дурдом один! – Он почти откинул с дороги стул и вышел через веранду на двор.
- Да, ты, мам, вообще, – морщась и крутя головой, проговорил Вадим. – Просили же тебя – таблетки какие-нибудь пей... Что ты скандалишь все время?
- Вот, вот! – уже в голос заплакала Маша. – Вы мать не любите, все из дома норовите...
- А как не норовить, если при тебе слова сказать нельзя – сразу в крик...
- Вы по девкам пойдете, мать забудете... Жениться еще вздумаете! – уж совсем размокрогодила Маша.
- Мама, – раздельно, словно какой-то глупой бабе, покачивая в такт словам головой, заговорил Вадик, – запомни, пожалуйста... Пока учебу не закончим, ни я, ни Вовка жениться не собираемся. Еще на ноги встать надо.

– Правда?! – обрадовалась Маша.

«Ох, а это так не скоро! Да и вокруг что делается! Платят всем мало... На что семью кормить!»

– Да. Правда. И никто тебя забывать не собирается.

– Ох, сынок, сынок... Ведь мать-то и есть мать, а эти девки...

– И чтоб слова этого я от тебя больше не слышал! – прервал ее Вадик. – Противно.

Маша поджала губы – что, культуры у Самойленков набрался, да? Интеллигентным шибко стал? Но Маша сдержалась, промолчала, опасаясь, что и младший хлопнет дверью.

– Ты куда это намылился? – все-таки спросила она, видя, что сын собирается уходить.

– Дядя Толя Максимкин просил помочь.

– Не ходи, дома сиди! – решила прикрикнуть пришедшая в себя Маша.

– Mam, у меня от последней стипендии пятнадцать рублей осталось. А все лето впереди.

Что – на одной картошке сидеть все будем?

– А, да, да, – сдала назад Маша. – Раз за деньги, то ступай. Добытчик!

– Да, мам, – замылся Вадик на пороге. – Кончай, пожалуйста, с этими скандалами, ладно? А то мы с Володькой уже на пределе. Каждый день – это... как-то... уж слишком. Кричишь, кричишь...

Сын досадливо покачал головой, подхватил сумку с инструментом и вышел. Маша видела, как он поговорил о чем-то с братом, работавшим во дворе, и направился к калитке.

«Мы с Володькой»? – размышляла Маша, так и стоя посреди кухни. – Значит, Вовка с братом заодно... Не хочет мать по-настоящему жалеть».

Маша попыталась утешиться мыслью, что, наверное, они действительно женятся не скоро.

Очень не скоро. Вон – Володе еще учиться три года, Вадик через полтора года только в армию пойдет после техникума – и-и! Мало ли что случится за это время! Жизнь-то какая вокруг – то одно, то другое... Кавардак.

Кошмарный момент, когда кто-то из сыновей приведет к ней наглую девчонку в короткой юбке и с густо накрашенными глазами – Маша ничего, кроме дешевой губной помады, век не касалась! – и заявит: вот, мама, дочка тебе – изволь, любить ее! Жутко, тяжело об этом думать, но будет это очень не скоро. Маша что-нибудь сумеет придумать. Пока у нее одна печаль: как бы Анька Самойленко папочкиной машиной никого из ребят по-настоящему не сманила. А гульба с девками... Ну что ж поделать, раз природа такая у мужиков – по бабам шастать. На этом вся жизнь, почитай, и держится. Главное, чтобы сыновья ни к кому накрепко не присохли. Вот в чем дело!.. Гульба – это, если разобраться, не так и страшно. Это ж на стороне... Где-то.

Маша сняла передник и пошла в свою комнату переодеться на выход – к вечеру ей надо было на пару-тройку часов съездить в придорожное кафе помыть посуду. Они с одной такой же одинокой бабой-бедолагой сменяли друг дружку и получали от заведующей немного – смотря по выручке – денег, а Машина товарка еще забирала отходы и объедки, докармливала свинку. За это Маша ее не любила – получалось, что сменщице работать было выгоднее. Каких-то претензий Маша ни начальству, ни товарке предъявить не могла, оставалось только молча терпеть несправедливость. И она терпела – хоть сколько-то оттуда приносила. Все терпела, терпела...

А может, прав бесчувственный теткин муж – придется точно так же свыкнуться и с мыслью, что рано или поздно, но отдаст она сыночков чужим девчонкам? Пристрадаться к этой неизбежности. Ведь привыкла Маша к тому, что она теперь без мужа – так и к этому привыкнуть придется. Правда, мужа-то она не ахти как и любила, а вот сыночки-кровиночки? Вытянула их своим горбом. А как отдать их девкам-сык...

Ох не любят они этого слова, видите ли, из дома бегут...

Так и прошло лето. Маша все-таки сходила в аптеку и попросила у доброй, примерно ее возраста, провизорши таблеток «от нервов». Они оказались импортными, дорожными, и

Маша, стыдясь, отказалась. Тогда аптекарша дала ей флакончик пустырника. А потом и он стал не особенно нужен – Анька Самойленко укатила с родителями то ли в Сочи, то ли в Гагры, отлипла-таки от Машиных сыновей, и они стали чаще сидеть дома. Трудно сказать, гуляли они втихаря от матери с другими девками, нет ли, – главное, в дом их не водили и о свадьбе не заговаривали. А потом уже надо было думать, как приодеть ребят к новому учебному году – хлопот-то с такими ценами и небогатым выбором! При Сталине и то лучше было.

Конечно, отпускать от себя ребят было беспокойно – мало ли что там Вадимка говорил о не скорой их с братом женитьбе. Поцелует такая, опытная-прожженная, покрепче – они и сомлеют... Но делать было нечего, и ребята разъехались по своим учебным заведениям, появляясь дома только по выходным, да и то не каждый раз – им приходилось, как и прежде, подрабатывать.

А Маша обнаружила, что в обществе имеется странная, не то чтобы пугающая, наоборот, скорее противоестественная тенденция: молодые девчонки как будто перестали рваться замуж как угорелые сразу после восемнадцати. Особенно городские. Совсем не то, что в далекой Машиней юности, когда двадцатилетняя девчонка считалась безнадежным перестарком и была готова выскочить хоть за пьяницу, хоть за алиментщика. Нет! Теперешние девицы, которых Маша наблюдала из своей стеклянной клетушки, судя по обрывкам их разговоров, замуж отнюдь не спешили, говоря больше об учебе, работе и деньгах. Сначала, считают, выучиться надо, а уж потом семью заводить.

«А, придуриваются! – думала Маша, прислушиваясь к болтовне куривших рядом со входом девчонок. – Им только дай – за кого угодно ухватятся! Просто не берет вас никто, хабалок прокуренных!»

С течением времени Маша убедилась: если у городских девок и заходил разговор о женихах, то исключительно о богатых, «деловых», или, как теперь это называлось, «практичных». Но Маше это даже нравилось – ее ребята под этот разряд не подходили и особенно завидными женихами не были. Ее большой дом? Городским он не нужен. Ведь за ним уход требуется. Огород, птица – этих свистушек такое не интересовало. Охота им было горбатиться...

«В конце концов, сама подыщу им невест – таких, как мне самой надо. Чтоб только цыкни – она и замолчит!» – утешала себя Маша, глядя на этих тощих, одетых в костюмчики с коротенькими юбочками, вечно дымящих, как мужики, «работниц».

Подшло время, Вадик закончил техникум и волей-неволей пошел в армию, но далеко его, к счастью, не услали. Знамо дело, непьющий, рукастый, с образованием. Воинская часть располагалась в соседней с Московской области. Вадик возил там армейского начальника по хозяйственной части и смотрел за его машиной.

Когда младший сын пошел на второй год службы, Маша почему-то стала с беспокойством приглядываться к подраставшим на Выселках негородским, по-прежнему, по-старинному рвущимся замуж местным девчонкам. Вон они какие, почти как городские, уж и не отличишь. Все в этих одинаковых сине-линялых штанах, в цепочках... Развязные, орут во все горло, шествуя пестрой стайкой по улице. Встретившись с Машиним цепким, колючим взглядом, девчонки дружно прыскали и, вереща от смеха, старались возможно быстрее ее миновать.

Вот Маша – она разве такая была? Скромная она была, глаз от земли не могла поднять – вот в девках и засиделась. А эти – они-то не засидятся, живо окрутят пришедшего со службы Вадичку. Жаль, очень жаль, что городская мода не особенно рваться замуж до Выселок еще не дошла. И Анька Самойленко, пусть и красивая, и богатая, а до сих пор замуж не вышла, хоть и шел ей, как и Володе, двадцать третий год. Маша ее часто видела – та теперь работала на их предприятии и все еще заочно училась в Москве. Вот пусть там себе и ищет.

Володя закончил вуз, стал работать этим... такое трудно запоминающееся слово, но все тоже в Москве – даже до ближайшего города цивилизация в виде громоздких машин, умеющих

думать и решать задачи, пока не дотелепалась. Потом, как Володя ни старался отбояриться от армии, ссылаясь на то, что он один на данный момент опора у матери, ему все-таки пришлось уйти на год в эту армию, где кормили хуже некуда и гнобили как хотели.

Уже несколько лет, как не собиралась целиком их маленькая семья в родительском доме. Но прошло время, и вернулись Володя с Вадиком. Младшего Маша без труда устроила к себе на предприятие – кто же такому будет не рад? – и он стал работать в автомастерской при заводе. Знала бы Маша, чем обернется для нее эта «работа» – своими руками спалила бы этот заводик со всей его требухой, особенно – контору, где работали те наглые девчонки, что носили джемперочки в облипку и юбки, из-под которых только что трусы не сверкали.

Нет, мода-то на мини-юбки была вовсе не нова, ее первоприход пал как раз на Машину раннюю зрелость. Она тогда уже была давно замужем, растила ребят, и о том, чтобы напялить на себя это безобразие, речи не шло. Просто Маша с запоздалой досадой думала: вот если бы объявили эту моду пораньше, то и она не засиделась бы так катастрофически в девках, вынужденная при нормальных, прямых ногах носить ситцевые, набранные, как семейные трусы, на резинку юбки длиной по голень. Не то что эти коротельки...

На девчонку в таком, как у нее, штапельном балахоне по икры и смотреть-то сейчас никто не захотел бы – жадные взгляды парней были устремлены на свеженькие бульонки, сверкавшие из-под полосочек ткани, натянутых до треска на попы. Взрослые мужики, шедшие по улице рядом с законными женами, похабно ухмылялись и, пользуясь, что супруга не видит, теребили себя за ширинки – показывали, как это зрелище их возбуждает. А девкам, поди, того и надо было.

Теперь этими наглыми охотницами за Машиными сыновьями применялись в качестве загонных средств еще и коротенькие штанишки, которые открывали телеса еще больше, чем «мимо-юбки», как называл мини-юбки десятилетней давности Машин отец. И все это делалось для того, чтобы сманить из дому Машиных детей, оставить ее одну... И ведь подошло то самое тревожное время, о котором говорил Вадик! Сыновья понемногу вставали на ноги, учеба и армия были позади, а их жизнь неладная, медленно и скрипя на крутых поворотах, подходила к тому моменту, когда не сегодня так завтра не миновать бедной Маше принять в дом невесток-разлучниц!..

– ... Ну а что ж ты хочешь? – удивилась ее тетка, к которой Маша регулярно заходила пожаловаться. – Они ребята здоровые, взрослые.

– Да какие же они взрослые! – возмутилась Маша непробиваемому теткинemu непониманию. – Совсем несмышленные... Закрутит какая-нибудь, и вот...

– И что? – насмешливо спросила тетка, глядя на нее поверх толстых, «для близи», стекол. – Все так делают. Это жизнь. Ее не обманешь.

– Не хочу я этого, – призналась Маша, тихо маясь своей неизбывной тоской. – Не хочу.

– Ух и свекровушка из тебя выйдет, Мань, – весело заметил присутствующий тут же на кухне теткин муж, так и не ставший Маше дядей. – Страшной атомной войны!

– А может, я вообще не хочу свекровью никому быть, – заявила Маша скорее самой себе, потому что дядька, мерзко хихикая своим шуткам, ушел с кухни, а тетка отошла к плите, чтобы «подшуметь» остывший чайник. – Пусть мы жили бы все вместе, втроем с ребятами, тихо, спокойно... Я по дому, они – работали бы. Чем не жизнь?

– О внуках не мечтаешь? – спросила тетка, тяжело усаживаясь за стол.

– Ну, внуки... Внуки, – призадумалась Маша. – Да была бы хоть одна хорошая девушка – я разве что сказала бы, тетя Катя? Одни хабалки, одни хабалки кругом...

За любимое Машино словечко тетка ей не раз выговаривала, а однажды и вовсе прогнала из-за стола, и Маша у нее в гостях сдерживалась. Правда, что такое «хабалки», она тоже не

могла объяснить – просто те же самые девчонки, которые только и глядят, как бы увести сыно-вей из материного дома.

– Что уж, совсем хороших девушек нет? – пожала плечами тетка.

– Может, и есть, да далеко лезть... Всем богатые женихи нужны, а мы... Голь перекатная. Заставит его такая вкалывать с утра до вечера, чтобы наряды себе покупать.

– Так сама им невест найди, если так уж ты опасешься... Вот и будете все вместе устраиваться.

Тетка встала, чтобы выключить чайник и налить по последней чашке чаю.

– Да я и сама об этом думала. Если б только хороших...

«А что – может, так и сделать? Ведь давно хотела... Таких найти, чтоб сидели и не плакали. А если что – так я им такого пропишу!»

По дороге домой Маша тщательно обдумывала теткин совет, хоть и дан он бы как-то невзначай, мимоходом. Если уж не избежать горя горького, то хоть подобрать таких невест, чтобы не увели сыновей из дома, не заняли в их сердцах слишком много места, никогда не заслонили от них маму... Вот-вот! Так и придется сделать!

Бредя от остановки через Выселки, Маша стала по-новому всматриваться в проходивших мимо девчонок. Не то чтобы уж совсем доброжелательно, но как к неизбежному злу, которое надо допустить в возможно меньшем объеме. Нет, все не то, не то!.. Либо слишком молодые, либо уже с детьми... Когда только успевают?

«Во, как бы еще с ребенком не нашли – вообще житья мне не будет», – размышляла Маша, вглядываясь в свеженькие личики попадавшихся по пути девчонок.

И ничего хорошего опять не видела – слишком хорошенькие, смешливые, вызывающе одетые... Нет, все не то. Нет ничего подходящего.

«Была бы хоть сваха, как в старину, – заявочку сделать, мне, мол, такую – так, так и так», – огорчилась в который раз она.

И еще одна забота была у Маши – в этом ноябре восьмидесятого года у нее должен был состояться «золотой юбилей» – пятьдесят лет. Выход на финишную прямую к заслуженному отдыху. Хорошо, хоть утихли болезненно-тревожащие разговоры о том, что власти отнимут у простого народа пенсии или поднимут возраст. Им-то, понятное дело, эти гроши не нужны – чай, наворовали, и себе, и детям, и внукам хватит... Может, ничего не случится за эти пять лет и дотянет Маша до заветной черты?

Юбилей у Маши вышел неплохой – на заводе выдали внеочередную премию и почетную грамоту с красными знаменами и золотыми кистями, что означало прибавку к тринадцатой и потом – довесок к пенсии. В кафе заведующий подарил пару бутылок шампанского, что пришлось кстати на домашнем застолье, где, по местному обычаю, пили только ядреный деревенский самогон. Гостей было немного. Подруг у Маши не было с тех пор, как ее сверстницы повыходили скоренько замуж, а баба, как известно, девке не подруга. Соседей по обеим сторонам Маша пригласила, тетка с мужем приехали на своем «горбатом», ну и сыночки, конечно, были – украшение ее жизни.

Дядька как недолюбливал Машу, так и здесь остался верен себе, брякнул при всех: а муж-то твой, Мария Батьковна, не поздравил? Не интересуется, как дом, как сыны? Открытку-то хоть прислал?

Все за столом смущенно примолкли, Машина тетка, собрав рот в морщинистый комочек, заметно пихнула его локтем в бок – да было уже поздно. Слово не воробей.

– Нет, не прислал, – ответила Маша со скорбным достоинством. – И я одна у своих детей. Нет у них никого больше. У меня никого нет, и у них никого нет.

Пить Маша никогда не умела – сильно тянуло либо на рукопашную, либо на плач, – поэтому воздерживалась. И теперь под магазинную водочку да от обидного напоминания почувствовала, как подступают горячие, неумные слезы.

– Если только и сынки мать не бросят, – едва сдерживаясь, чтоб не разрыдаться в голос и не полезть драться с «родственничком», пробормотала она.

– Ой, ну мам, – схватил ее под руку Вадик, сидевший рядом. – Чего ты! А вы, дядя Саша, поаккуратней бы как-нибудь, а?

– Ну я же так, – пошел на попятную «дядя». – К слову пришлось. Извиняй, Мария Батьковна. Не рассчитал.

Потом сосед – для разрядки неловкости – предложил еще выпить, потом еще посидели, ругая по очереди теперешнюю жизнь, советскую власть и болезни. Между тем Машиным ребятам стало скучно, и они незаметно, пользуясь тем, что старики заняты разговорами, исчезли из-за стола. Маша краем сознания отметила, что они, похоже, исчезли из дома, а там и гости стали расходиться, благодаря за угощение и прием.

Наутро к Маше, только-только перемывшей гору посуды, зашла младшая соседская дочка – забрать взятые напрокат хрустальные фужеры. На самом юбилее она не была по молодости. Девчонка была плохонькая, маленькая, одно слово – последыш. Худая, но довольно коренастая и совсем белесая – даже ресницы у нее были белые, и из-за этого блеклые глаза казались совсем тусклыми. Ну мышонок – как есть мышонок.

Вообще-то особенно яркая женская красота в Выселках традиционно не слишком одобрялась. Считалось, что физическая привлекательность хороша только для одного – чтобы стать проституткой и брать с мужиков за плотское удовольствие деньги, а еще лучше – выпивку. Проститутками здесь также назывались женщины, отнюдь не бравшие за доставленное наслаждение деньги, гулявшие с мужиками просто из интереса и только иногда за бутылку. Причем в последнем случае закуску обеспечивала сама «проститутка» – так что уж какая тут особая прибыль? Так что профессионалок в исконном смысле этого слова в Выселках никогда не было. Если даже кто-то из местных жительниц подобное и практиковал, то ничего об этом досконально известно не становилось, поскольку «пяточок», где гужевались падшие женщины, находился далеко – около городской гостиницы.

Там, на невысокой бетонной оградке у входа, сидели девицы с длинными, развратно распущенными волосами и, свесив скрещенные руки, держали растопыренными все десять пальцев с длинными наманикюренными ногтями. Все знали, что это значило – червонец за один половой акт. Так что искателю приключений несложно было прикинуть свои финансовые возможности и сообразить, во сколько ему обойдется сегодняшней бултых в пучину порочной страсти. Для местных ловеласов подобные расценки были мало доступны, и поэтому красотки обслуживали по большей части кавказцев, привозивших дыни-персики на городской рынок.

Так что красота была скорее помехой для прочного жизненного устройства. И для того чтобы выйти замуж, совсем не надо было быть красавицей – надо было иметь хорошее приданое. Вон жители с другого конца Выселок, который географически упирался в мрачный, дурной славы овраг, дочку-то как шикарно пристроили, а?!

... Девчонка тоже была очень незавидная. Даже соседская Галя по сравнению с ней – артистка областного драмтеатра. Но у родителей, вместо обычного огорода, была на двенадцать соток солидная, крытая теплица с подогревом для выращивания ранних огурчиков. Трудились «на плантации» всей семьей и не пили, слывя поэтому отчаянными куркулями. Ранней, еще сырой весной истомившиеся по свежему овощному аромату горожане, скрепя сердце и скрипя кошельком, выкладывали-таки за пупырчатых очень приличные деньги.

Дочка этих куркулей, говорили, в хороший технический вуз рядилась поступать. И то правда – куда же еще с таким-то лицом пойдешь? Только учиться на инженера. В институт она,

понятное дело, не попала – не вышла, видать, и умом тоже. Видя, что единственное дитя может зачахнуть на корню без какого-либо вообще применения, родители срочно приискали для нее жениха. Закрутились, забегали, пока за бедняжкой числилось хотя бы два реальных достоинства – юность и девственность. Хотя расстаться с последним шансов у нее было немного, но все же. Главное, огуречные деньги есть, а все остальное – дело десятое. Поэтому и жених достался наследнице тепличной плантации хоть куда – красавчик, право слово – Иван-царевич. На бело-розовое хорошенькое личико падал кольцами золотистый чуб, синие глаза светились приветно, многообещающе – ну, может, самую капельку блудливо. Ростом невеста была жениху аккурат под мышку, что пришлось ему весьма кстати, – можно было беспрепятственно, поверх ее головы, не вызывая ревности, уже прямо на свадьбе озирать хорошеньких подруг.

Молодым к свадьбе купили кооперативную квартиру в городе, за первенца производителю пообещали машину, и он таковую весьма оперативно заработал. То, что красавец муж, не особенно стесняясь, погуливал, пока жена нянькалась с ребенком, знали даже в далеких от города Выселках. Но новая семья оказалась на редкость крепкой, поскольку была намертво стянута золотыми обручами родительской материальной поддержки.

Но это была ситуация, абсолютно противоположная Машиной. Ей надо было – ввиду неизбежности – приискать сыновьям таких жен, которые никоим образом не увлекали бы своих мужей, а оставили их в материнском распоряжении. Эта Галя плохонькая подошла бы как нельзя лучше – хотя бы в качестве экспериментального образца. Поэтому в ближайшие выходные, когда Маша не работала, нужно было устроить так, чтобы Галя зашла к ним утречком, пока Володя с Вадиком не разбежались по своим делам.

Предлог зайти к соседям и легко, необязываяще пригласить девушку нашелся быстро. Семейка-то была еще беднее Машиной, и мамка у этой Гали немного шила, скорее поневоле – переделывала старье. Можно было предложить Гале забрать что-то из выморочного родительского гардероба. Как знать – а вдруг найдется что-то полезное? Да? Вот и хорошо... Пусть и зашла бы Галочка как-нибудь на этих выходных, посмотрела.

Галя действительно пришла утром в воскресенье, и они с Машей стали примеряться, как бы снять с антресолей в передней спороги драповых пальто и дерматиновые чемоданы, набитые полуношенной обувкой. Тут и оказалось необходимым позвать на помощь Володю.

– Ох, мам, ну ты и затеяла, – сморщился он от пыли, скидывая прямо на пол залежалые богатства.

– Может, что для Галочки найдется. Она девушка хозяйственная. Чего пропадать добро-то?

По лицу Володи пробежала тучка недоумения – Галочка? Кажется, он удивился тому, как доброжелательно мать общается с соседкой, пусть условно, но все-таки женского звания.

– Ну и добро тут, – пробормотал Володя, прыгивая с табуретки и направляясь вон из дома.

– Ты не уходи пока, – бросила ему в спину Маша, принимаясь вытирать чемоданы.

– А чего это? – чуть обернулся он.

«Даже не смотрит на нее!»

– Может, еще помочь придется.

– Ну, я во дворе буду.

Когда разбор текстильных завалов был закончен, а Галя разложила добычу по пакетам, Маша наказала сыну проводить соседку домой – жаль недалеко, а то он получше к ней присмотрелся бы. Но Володе – ему разве тяжело? – хватило десяти минут, чтобы доставить поклажу до соседнего подворья и вернуться, брезгливо отряхивая руки.

– Ну как она тебе, а? – ласково, насколько это было возможно при таких обстоятельствах, спросила Маша сына, мывшегося над кухонной раковиной.

- А чего? – обернул он к матери мокрое лицо.
- Девочка вроде хорошая. А? Скромная.
- Кто – Галка, что ли? – выпятил он губу и принялся вытираться.
- Ну да...

«Ага, не слишком-то она ему понравилась. Это хорошо... Не будет любить жену, значит, будет любить мать. Хорошо, хорошо!»

– Ты чего это затеяла? – повернулся он к ней, насмешливо улыбаясь. – Сватать, что ли, меня надумала?

– Ну а что, – пожала плечами Маша. – Надо же... когда-то.

«Да сто лет я этого не делала бы!»

– Ох, ну ты и!.. – досадливо покрутил головой Володя. – «Девочка!»... Мормышка какая-то.

Сын, вытерев насухо руки, повесил полотенце, и Маша поняла, что он не собирается поддерживать разговор на эту тему.

– Что я себе – нормальной девчонки не найду? – фыркнул он напоследок и пошел к себе.

Оставшись одна, Маша устало присела тут же на кухне и стала думать: а как это все расценить? «Мормышка» Володе не понравилась, и ухаживать он за ней не будет. Не женится уж точно. А может, не так уж реален и близок этот кошмар – появление между ней и сыночками каких-то девчонок? Посидят сыновья «в ребятах» хоть лет до тридцати... Жизнь узнают. Поймут, что лучше мамы никого нет и не может быть. Осознают, повзрослев, что мать, она – единственная!.. Баб случайных может быть сколько угодно, а мама – одна... Может, и не станут рваться «окольцовываться».

Готовя ребятам воскресный обед, Маша кромсала овощи с особым рвением – как ненавистных красоток в обтянутых брючках, что таились по темным углам, готовые из засады накинуться на ее сыновей.

«Вот, а они возьмут да и не женятся на вас! А?! Не женятся! Они меня любят, да... Вас много, а я у них одна, да!» – мысленно крутила Маша фигу перед носом некоего обобщенного образа девки-захватчицы.

Наверное, Володя не рассказал Вадику об этом Машином эксперименте, и за обедом сыновья говорили о ценах и очереди на покупку «москвича» – на их заводе такое можно было проверить за взятку, и у всех молодых мужиков это была дежурная тема.

«Вот-вот – пусть бы зарабатывали, хоть на машину копили, а не о девках бы думали», – умиротворенно размышляла Маша, собирая со стола посуду.

Тогда ведь она не знала, какой сюрприз преподнесет ей ее младшенький. И что сдернула она беду с крючка сама – этими своими происками.

Кончался ноябрь, и было самое скучное время года – когда особенно темно, потому что не скрашивает сырую промозглую темень свежий, чистый снег. И как-то вечером, когда Маше было особенно мутно думать о дороге в кафе на приработок, непривычно смущенный Вадик, войдя к ней в комнату и пряча глаза, спросил:

– Мам, ты... того... завтра вечером тоже работать будешь?

– Нет, а что?

«А? Неужто девку сюда привести хочет? На родительскую постель?!»

– Я хочу, ну, человека одного с тобой познакомиться.

– Какого такого человека? – всполошилась Маша не на шутку – не обманешь материнское сердце.

– Ну, девушку... Она хорошая. Она тебе понравится.

«Никто мне никогда не понравится! – закричала в душе Маша. – Видеть никого не желаю!» – И тяжело опустила на стул.

– И откуда ж... – «... мне эта напасть?» – эта твоя подружка?

– Она на наш завод приезжает часто. По работе. Может быть, ты ее и видела когда. Я ее подвозил несколько раз. Вот и познакомились.

– Ага, и спелась... – Маша почувствовала, как подступают слезы, и принялась всхлипывать.

– Мам, чего ты? – собрал Вадик лоб в гармошку. – Что тут такого, что у меня девушка появилась? Володька говорил, ты его с Галькой свести пыталась. А я сам нашел.

Маша не отвечала, только терла глаза уголком платка.

– Что тут такого? – настойчиво повторил он.

– Так Галя честная, скромная, – борясь со спазмами, наконец вымолвила Маша. – А эта твоя...

– А эта моя нечестная и нескромная, да? Ты уже заранее знаешь, не глядя?

Они помолчали. Маша решила до плача не доходить – что, на самом деле, такого, что сын собирается привести в дом и познакомить с ней девчонку? Рано или поздно, хочешь не хочешь, а такое должно было случиться.

– Так что, мам? – наконец жестко – видать, уже сердился – спросил Вадик.

– Да нет, я ж не против, – вздохнула Маша. – Приводи. Посмотрим.

«... что за счастье ты себе нашел!»

Дорогу в кафе Маша как-то просто не заметила – все думала о предстоящей встрече с подлой разлучницей. Придет вот такая, развязная, накрашенная, будет осматривать небогатое Машино хозяйство прищуренными, бесстыжими зенками... Ну, Маша ей и задаст – никакой сынок не спасет!

Очнулась Маша уже у мойки, краем уха слушая распоряжения заведующей. Маша знала, что у той тоже двое мальчиков и один уже учится в Москве. Как она его отпустила – на потребу столичным хищникам?

Отработала Маша эту смену как в горячечном бреду, разбила от трясшей ее злости пару тарелок, за что с нее вычли. День, считай, прошел зря – измотавшись в дороге и на работе, Маша почти ничего не заработала.

По пути домой она вспомнила шумную историю, имевшую место лет пять назад. Тогда выдавала замуж дочку одна из выселковских «проститутток». В «проститутки» она попала и по внешности – была миленькой брюнеткой, стройной, с живыми черными глазами, – и по тому, что родила без мужа в неполные восемнадцать лет. Теперь нагулянная ею дочка собиралась замуж – но «по-честному»: сначала ЗАГС – потом все остальное. Ну, по крайней мере, все так считали.

Молодые да ранние подали заявку в ЗАГС скоренько, без предварительного уведомления родителей, и жених пришел представиться будущей тещеньке недели за три до регистрации, когда только-только начали закупать продукты для свадьбы. И тут же пропал, пропал женишок-то! Прямо анекдот – влюбился с первого взгляда в будущую «маму»! Сам-то он был постарше своей юной невесты, и разница в возрасте с ее мамой была незначительна. Мамка же, не больно посчитавшись с чувствами и жизненными планами дочери, с ходу ответила ему взаимностью...

Свадьба расстроилась, жених забрал заявление. Дочка в исступлении несколько раз кидалась то на мать, то на жениха, то вешаться. Подруги и родственники, поняв, что сделать ничего не удастся – парочка нововлюбленных неразлучима, – увещевали девчонку тем, что она молодая, еще встретит свою судьбу... А у мамы-проститутки в кои-то веки появился шанс по-человечески выйти замуж и стать порядочной женщиной... И вообще, стоит ли горевать о мужике, способном вот так, с места в карьер, переметнуться к другой, да еще старой бабе? Но никто еще не придумал аргумента, способного дойти до сердца, пылающего любовью, и до души, перепол-

ненной горькой обидой. И девчонка, искренне пожелав дорогой мамочке и бывшему жениху гореть синим пламенем, спешно уехала куда-то на заработки. Влюбленные, втайне довольные тем, что так получилось, отпраздновали пышную свадьбу и, между прочим, до сих пор живут в согласии, воспитывают общего ребенка и не особенно, по-видимому, беспокоятся о канувшей в неизвестность дочке-падчерице.

«Вот, – думала Маша, потихоньку, чтобы не будить сыновей, входя в дом, – такие матери бывают! Бортанула свою кровиночку и рада-радехонька... Живет – не тужит... Я не такая! Я все сделаю для их счастья, все! Всю жизнь только для них и жила... И жить буду!»

Думать, сможет ли она стерпеть рядом с собой девку-сыкуху, забравшую у нее сыновнее сердце, Маша не стала. Ответ был для нее ясен, но мучителен.

«Вот приведет завтра и Вовка какую-нибудь. Скажет: «Это тебе, мама дорогая, невестка...» Да как же это так... уже?! Так скоро? Еще и не жили мы семьей хоть как-то спокойно и сыто, а уже надо разлучаться!»

Горькие, неотвязные мысли мучили Машу почти до самого утра, они перемежались с воспоминанием о почти бесплатно отработанной смене, отзывались болезненным колющим затылке – наверное, опять поднялось давление.

Заснула Маша уже почти на рассвете, встала поздно и с трудом. Сыновья, как у них водилось, наутро после ее работы крутились с завтраком сами – из того, что она им оставляла. Маша, в общем, понимала, что это не от большой сыновней любви, а оттого, что в такие утра она была особенно раздражительна. Маша с трудом сдерживалась от «кошачьих октав», как когда-то называл это беглый муж, а сыночки просто сбегали от ее упреков и окриков. И верно: случись что, ну хоть малейший предлог, Маша высказала бы Вадьке за все, за все! За его намерение привести в дом эту козу приبلудную, за неблагодарность, за нелюбовь к маме...

День до вечера прошел муторно, но по многолетней привычке дом Маша тщательно прибрала – а пусть видит эта городская штучка, что дом хоть и не слишком богатый, но чистый безупречно – ни пылинки, ни соринки, хотя в нем двое взрослых мужиков. Приделась даже, натянув купленное по случаю недавнего юбилея новое платье.

Обычно сыновья появлялись с работы ближе к семи вечера, но сегодня Володя пришел пораньше.

– Ну чё, мам, праздник у нас? – вместо приветствия, радостно заявил он с порога, снимая на веранде грязные башмаки.

– Это какой же? – передернула плечами Маша, вышедшая на шум: уж не младшенький ли с гостьей припожаловали?

– Так Вадик невесту приведет демонстрировать!

– Ну уж и праздник, – смогла выдавить из себя какой-то сдавленный шип Маша, повернулась и ушла в дом.

«Уже «невеста»!»

Когда Володя вошел на кухню, улыбки на его лице уже не было, скорее, он был озадачен.

– Так ты ж сама хотела...

– Ничего я не хотела, – буркнула Маша и, отвернувшись к плите, поставила разогревать ему ужин.

– Ты как-то не так это все воспринимаешь... Нормальное дело. Мы ж молодые...

Он явно хотел сказать что-то еще или спросить, но, постояв немного в дверях – Маша чутко прислушивалась к его невнятной хмыканью, – вышел, так и не договорив.

В это время в ноябре во дворе уже было хоть глаз коли – фонари горели в Выселках только по большим праздникам, а в остальное время пара-тройка здешних улиц освещались только светом из окон домов. Но когда на улице зашелестела по намерзавшему на лужицах тонкому

ледку машина, давно напрягшаяся и набрякшая слезами Маша разглядела-таки в окошко – это было такси. Из него вышел Вадик, открыл дверцу, и оттуда вылезла девица.

«Точно – привел! Привел все-таки...» – похолодела Маша, надеявшаяся, что пронесет беду, не приедет сегодня девка-супостатша, а завтра Маша работает и гостей принимать не сможет никаких, а потом еще что-то случится... Так и рассосется душевный этот нарыв... Но ведь нет, не пронесло. Приехала. Идет... На такси Вадик ее катает – кровные свои, невесть какие, тратит.

В сенцах, из которых налево была дверь на кухню, а направо – в комнату, слышались оживленные голоса – похоже, Володя принимал деятельное участие в приеме «дорогой гостьи».

«Вот и он тоже... Рад-радехонек!»

Тут Маша вспомнила, что сама вроде как сватала старшего. Гальку эту белоглазую приглашала – на свою голову.

«Они что – подумали, что я больно хочу их женатыми видеть?! Ох, что ж это я... И как я скажу, что я против... этих... девок?! Они ж взрослые, знамо дело – мужикам бабы нужны... Ох, ну и жизнь! И с чего говорят, что матери парнями управлять легче? Женила – и с плеч долой, пусть, мол, его теперь жена кормит-обстирывает... Это те думают, у кого сыночков нет – да таких, как мои».

Маша все-таки подкрасила на выход к «гостье» губы – кое-как, потому что било ее мелкой, неукротимой дрожью. Позовут они ее или лучше пойти самой – застать врасплох, потыкать вторженку наглой мордой за какую-нибудь совершаемую в отсутствие хозяйки непристойность? Да, вот так!

Маша ринулась в комнату и в темноватом коридорчике наткнулась на Вадика, который, к великому Машиному удивлению, был в костюме и галстук.

«Во вырядился, поди ж ты! Будто уж и на свадьбу!»

На работу Вадик ходил обычно в джинсах и свитере. А тут...

– Ну, мам, ты где?

Маша хотела ответить в рифму, но сдержалась, только шумно выдохнула набранный было воздух. Не время еще.

– Там Настя пришла... Тебя ждем.

– Тут я, – выдавила Маша. – Занята была.

Она вошла в собственную свою комнату, как подсудимый – в зал суда, где ему предстояло столкнуться носом к носу с родными его многочисленных жертв. Маше ее комната очень нравилась, хотя заходила она сюда редко, только вытереть пыль и полить гераньки на окнах. Тут, в раздавшемся от старости серванте, спали мертвым сном хрустальные вазы и селедочницы, с переплатой купленные ее родителями и никогда ни для каких практических целей ими не использовавшиеся. Люстра «каскад» с пластмассовыми бирюльками, некогда дефицитная и шикарная, давала мало света, поэтому в зале всегда было сумрачно. Сколько на это истрачено сил, денег, нервов! И теперь здесь вот появилась... да... эта...

У круглого стола, покрытого желтоватой льняной скатертью, рядом с Володей сидела девица в черном костюме, похоже, длинная и тощая, с распущенными по спине светло-русыми волосами. Сама-то Маша, по старинному обычаю, как порядочная мужняя баба, волосы всегда в пучок на затылке завертывала, и эта новая мода ходить патлатой ей никогда не нравилась.

Девица что-то оживленно обсуждала с Володей, и они оба не сразу обратили внимание на хозяйку дома. Вадик довольно громко, нарочито, откашлялся. Собеседники замолкли на полуслове и обернулись в их сторону.

Девица, подняв глаза, секунду подслеповато моргая, всматривалась в сумрак у двери, а потом улыбнулась во весь свой большой рот и радостно сказала:

– Здравствуйте, Мария Степановна!

«Чему радуешься-то? Сейчас шугану вот тебя как следует... Хоть бы встала перед старшими, наглячка!»

Машу просто окатило ледяной волной ненависти к этой... Пришла, сидит!

– Вот, мама, познакомься – это Анастасия, моя хорошая подруга, – услышала Маша из-за спины чуть охрипший голос Вадика.

Девушка все-таки встала и действительно оказалась высокой – почти с самого Вадима ростом. Маша, чувствуя, как наливаются свинцовой тяжестью ноги, сделала несколько шажков к столу. Девушка протянула ей руку – как мужик мужику, – и Маше волей-неволей пришлось чуть-чуть пожать длинную белую кисть.

– Ой, какие у вас мозоли! – удивленно-почтительно произнесла Настя.

Резкая обида полоснула Машу по сердцу – уж она ее и упрекает! Что Маша простая баба, без образования, всю жизнь на черной работе...

«Гнушаешься рабочими мозолями, да?» У самой девушки рука была мягкая, влажная и нежная – это уж Маша заметила сразу, хоть и кратким было их рукопожатие.

– Да уж, – поджала губы Маша. – Погорбатилась я на этих!.. Одна, без мужа...

– Да, – вроде как сочувственно отозвалась гостья, – мне мальчики рассказывали, как тяжело вам приходилось.

«Мальчики»? Ах, так она, может, сразу на обеих губы раскатала?! Ну, по всему видно – сучка еще та! С двумя сразу гуляет! Не один, так другой! А? Во проститутка так проститутка – куда уж нашим, выселковским!»

В комнате повисло напряженное молчание. Маша стояла чуть отвернувшись, опустив глаза, не желая глядеть в лицо «невесте».

– Mam, давайте чаю поьем, а? А то мы все с работы, голодные... Я чайник поставлю? – предложил Вадик.

– Вы сидите, я сам, – предложил Володя и выскочил из комнаты.

«Вот, сбежал сынок, не захотел мать поддержать в трудную минуту! Оставил меня с... «этой», – еще больше обиделась Маша, но у стола села хотя бы потому, что ноги просто подкашивались от какого-то тяжелого внутреннего спазма, зажавшего еще и сердце, и скулы.

Гостья и Володя сели тоже.

– Вы что же, вместе с Вадиком работаете? – выдавила из себя Маша наконец, глянув в лицо девчонке-разлучнице.

– Не совсем, но почти, – охотно и так же радостно сообщила наглячка. – Я из Москвы приезжаю два раза в неделю. Наблюдаю, как на вашем предприятии автоматическую линию налаживают.

– Начальник, значит? – чуть презрительно произнесла Маша.

– Ну да. В какой-то степени. Контроль осуществляю, общий.

У Насти были большие серые глаза за стеклами очков и острый нос, наверное, чуть длинноватый. Она с видимым удовольствием разглядывала и Машу, и обстановку дома, непрерывно водя по сторонам своими лупилками.

– Думаете, у нас тут деревня? – чувствуя, что нащупала точку опоры, осведомилась Маша.

– Mam, не начинай, – процедил Вадим.

– А что? – повернулась к нему с улыбкой Настя. – Ну деревня и деревня – что в этом плохого? Здесь так все здорово... Дорожки, салфеточки... Была б моя воля – я бы весь год на даче жила, только она у нас «холодная». Ну и работать надо, конечно.

«Ага, так ты здесь, у меня, жить решила – раз дом хороший, добротный? На дороге сэкономить? Не выйдет! На пороге лягу, а не пушу! Не пушу!»

– И вы что ж, уже все без меня... решили? – с трудом произнесла Маша, чувствуя, как закипают внутри нее, плюясь раскаленными каплями на самые чувствительные места души,

гнев и озлобление и на эту девку, и на сына, который готов бросить мать ради этой длинноносой.

– Да нет, – легко и беззаботно махнула Настя рукой, и Маша увидела на ее запястье золотую, поди, настоящую цепочку-браслет, такую же, как на тощей шее. – Ничего пока не решили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.